

ПРИРОДНАЯ УСЛОВНОСТЬ ИМЕНИ

В данной статье подвергаются анализу значения традиционно антагонистических терминов языкознания – «природность имени» и «условность имени». *Цель статьи* состоит в том, чтобы показать, что термины «природность имени» и «условность имени» характеризуют не свойства имени самого по себе, а характеризуют методологический подход исследования. Своеобразие их значения и функционирования состоит в том, что эти термины, взаимоисключая методологические подходы, совсем не обязательно исключают друг друга в характеристике имени.

Сочетанием ономаσιологического и семасиологического подходов в исследовании значения отмеченных терминов предполагается избежать абсолютного антагонизма данной традиционной дихотомии языкознания. В объеме предполагаемого исследования, разносторонне охватывающего значение знака, возможно объединить и согласовать данные крайние аспекты характеристики знака (что и отмечено в названии статьи).

Постановка проблемы. Основные проблемы имени, понятия теории наименования известны из древнейших мифологий, проходят через всю античную философию, науку и философию Средневековья, Возрождения до современности. Дихотомия «природность имени» – «условность имени» является традиционной для философии, богословия, психологии, языкознания и т.д. В истории человеческой культуры наиболее ярко она выражена в виде двух крайних полярностей: «божественность, или природность имени», с одной стороны, и, с другой стороны, «условность, или произвольность имени». Однако вряд ли можно назвать хотя бы одного последовательного и недогматичного сторонника, например, теории природности имени. Даже наиболее признанные представители современных теорий «природности имени» далеко не однозначны в своих утверждениях.

В чем причина того, что, например, М.Хайдеггер называет язык «Домом Бытия», и одновременно признает способность языка «вводить в заблуждение» (Хайдеггер, 1993: 402)? Или почему, например, Х.-Г.Гадамер считает, что «подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир» как «свет одной и единственной истины» (Гадамер, 1988: 513, 507) и тем не менее признает релятивизм человеческих языков? Что позволяет исследователю выносить язык вне субъекта – только ли традиция и воображение? Или это позволяют делать какие-то качества сознания, кроме воображения, или же какие-то качества языка?

Совершенно очевидно, что сторонники «природности имени», последовательно не различающие язык и речь, говоря о «природности имени», имеют в виду имя языка (языка в своем «природном» понимании), а все, что не относится к

«природности», представляет для них произвольность человеческой речи. Однако при этом незаметно выпадает из внимания такая категория, как «язык субъекта».

Проблема состоит в вопросе, может ли быть найдена компромиссность позиции, устраивающая полярные подходы, путем определенной минимализации взглядов сторонников природности имени и, наоборот, максимализации взглядов сторонников условности имени. На наш взгляд, это вполне возможно, если оперировать не терминами «природность имени» – «условность имени», а терминами ономаσιологического и семасиологического подходов в языкознании.

Обзор литературы. Литература на тему «природности – условности имени» уходит началом в античность. Это фрагменты текстов Гераклита, Протагора, диалог Платона «Кратил», тексты дискуссий об универсалиях в Платоновской академии и более поздние тексты богословских дискуссий средневековья о реализме и номинализме понятий. Современные теории природности имени представлены текстами М.Хайдеггера («Время и Бытие»), Х.-Г.Гадамера («Истина и метод»), А.Лосева («Философия имени») и др. Теории условности имени представлены текстами Ф.Соссюра («Заметки по общей лингвистике»), И.Бодуена де Куртене, Л.Выготского («Мышление и речь»), К.Поппера «Відкрите суспільство та його вороги», Э. де Боно («Латеральное мышление»). Теории, отмечающие в языке элементы и природности, и условности имени, представлены текстами Ш.Балли («Общая лингвистика и вопросы французского языка»), Р.Якобсона («Звук и значение»), В.Пизани («О произвольности и не-произвольности знака»), Э.Бенвениста («Природа языкового знака»), У.Эко («Отсутствующая структура») и др.

Тот факт, что люди живут, иногда даже за всю жизнь не давая себе отчет в том, что слова – «этикетки вещей» (самое простое из рефлексивных типов понимания имени), свидетельствует в пользу природности и «проходности» имени в жизни человека. Часто слова не замечаются потому, что прагматика речи направлена не на слова, а на то, что они обозначают.

Слова-знаки являются такими же фактами действительности, как и любые другие вещи или явления мира. Усложняющий момент состоит в функции слова, которая опосредует отношения между субъектом и предметным миром. Именно это опосредование можно понимать по-разному: либо как обусловленное естественно и сущностно, либо как обусловленное случайно и искусственно (без сущностной связи). Однако, кроме данного полярного понимания, история культуры знает также множество примеров эклектичного смешения отмеченных полярных взглядов либо попыток компромиссного согласования этих крайностей.

Индийские веды, например, объясняют возникновение имен без участия человека. Саморазвитие первоначал и первоэлементов – вода, огонь, земля и др. – приводит к сотворению мира, к возникновению растений и живых организмов. Далее уже принимает участие в мироздании Бог, который входит в предметы и являет из них имена. Таким образом имена возникают из природы вещей. Китайская философия имени известна теорией природной «орудности» имени. Согласно ей, если имя соответствует природе вещи, то предметная и мыслительная деятельность гармонично соответствуют друг другу и цели деятельности.

Древнегреческая философия имени повторяет главные положения индийской и китайской теории наименования. Именно греческая философия оказала наибольшее влияние на культурное становление Европы, в частности, на разрешение проблемы происхождения языка, проблемы наименования. Широко известна теория природности имени Гераклита, который придерживался модели «мира как текста». Он считал, что «текст мира» нельзя понимать, не зная природного языка, на котором он написан. Противоположной была теория наименования

Парменида и Протагора, которые считали все слова языка неопределенными и относительными и не имеющими природной связи с действительностью.

Древнегреческая философия имени наиболее совершенно выражена в диалоге Платона «Кратил». Платон утверждал, что «только древнее имя выражает замысел творца» (Платон, 1990: 655). Исторически более поздние имена по причине вмешательства человеческой субъективности утратили объективную ценность, то есть то объективное, что было схвачено именем. Тем не менее современный язык, по мнению Платона, не полностью утратил природную сущность имени. Поэтому объективные и субъективные отношения в сущности имени характеризуются им посредством сложной теории релятивизма имени. Хотя Платон и не признавал в языке способность познания мира, его теория является детально и своеобразно функционально разработанной.

Становление христианского миропонимания оказало сильное воздействие на дальнейшее развитие теории наименования. Можно утверждать, что глобальное развитие получили два направления: одно, идущее от Платона, и другое, идущее от Аристотеля. Значительно упрощая (беря во внимание, что даже в сходных теориях совершенно по-разному отмечено соотношение понятий-идей, слов-имен и вещей-явлений), это развитие можно представить в следующем виде. От античности до Средневековья ведет линия Платон – Григорий Нисский – Августин – Ансельм Кентерберийский. Другую линию представляют Аристотель – Ориген – Росцелин – Абельяр – Оккам. Именно ими в первую очередь определялось содержание богословских и философских теорий.

Библейное понимание мироздания отличается тем, что мир с самого начала создавался Богом, который от начала имел способность высказывания: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог». Акт мироздания совпадает с актом высказывания через волеизъявление: «И сказал Бог...». Кроме дара творца мира Бог также имел дар «творца» имен, который он передал своему «образу и подобию» – Адаму. В первые дни создания Бог сам называл наиболее значительные и немногочисленные объекты, однако далее передал эту функцию Адаму, который под присмотром Бога именовал «зверей и птиц небесных и зверей полевых».

Уже в Средневековье возникло сомнение, почему Бог не стал сам создавать все имена, а доверил это ответственное дело Адаму. Епископ Эвномий (4 в.) утверждал, что сначала Бог создал все имена, а потом открыл их людям. Опровергая это, византийский богослов Григорий Нисский (4 в.) утверждал, что Бог наделил людей только способностью к языку, а они использовали ее для наименования вещей (см. Якушкин, 1985). Епископ Ансельм Кентерберийский (11 в.) считал, что Божий дух раскрывает в себе образы вещей, наименование которых и рождает сами вещи. Абельяр (11-12 вв.), напротив, считал, что понятия созданы людьми, поскольку понять Бога и созданное им невозможно. В период Возрождения идея божественного происхождения языка все более уступает место идее человеческого происхождения языка.

Начиная от эпохи Возрождения до современности, появилось множество разнообразных теорий происхождения языка и наименования, которые, однако, повторяют в разных вариантах основные идеи античности и средневековья. Следует признать, что в данных теориях в целом со временем становится все меньше эклектичности и спонтанности и, наоборот, больше детальности и последовательности. Тем не менее исходные методологические установки неизбежно определяют ход и результаты исследования.

В основе проблемы и теории наименования находится семиотическая проблема сущности знака. Неотъемлемыми проблемами семиотики знака является соотношение следующих аспектов знака: филогенез и онтогенез знака, знак и по-

нятие, знак и референт, знак в системности языка и в системности других способностей человека, физическая и психическая форма знака в языке и в речи, категориальное и денотативное значение знака в языке и речи, знак и чувственность, знак и волеизъявление и мн. др.

На настоящий момент в результате достижений сравнительно-исторического, описательного и структурного языкознания наиболее разработанной (хотя и нередко эклектичной) является теория именно языка. В последнее время все большее внимания в исследованиях обращается на прагматику речи и на обусловленность связей языка с другими способностями субъекта.

Часто употребляя в научных работах термин «значение слова» (тем более значение высказывания или текста), редко кто из исследователей берет на себя ответственность строгости его использования и последовательности понимания. Такие синонимические употребления как «смысл», «содержание», «идея» либо перекрывают термин «значение», либо смежно расширяют его или дополняют разного рода ассоциативными отношениями. И хорошо, если в исследовании это оговаривается, в противном случае создается намеренная или ненамеренная эклектика рассуждений.

На наш взгляд, термин «природность имени» преимущественно репрезентирует ономаσιологический подход лингвистического исследования, причем подчеркивая обусловленность не столько материалистической, «позитивистской» действительностью, сколько структурой действительности сверхреальной, вневещной – логической или иррациональной. Дело в том, что последовательно ономаσιологическое понимание формирования и изменения знака (однако не от ирреального, внеположного субъекту мира, а от чувственных восприятий до отвлеченных представлений) неизбежно приводит к утверждению произвольности имени. Поэтому, на наш взгляд, термин «условность имени» преимущественно представляет семасиологический подход исследования. Достаточно сказать, что теорию произвольности языка в наибольшей мере утвердил Ф.Соссюр, разработавший именно системное понимание языка.

Но остается открытым вопрос: термин «природность имени» следует понимать по отношению к чему (а также и чего к чему?) – формы и значения имени к сенсорно-чувственному представлению-образу или формы и значения имени к понятию, или же формы имени к его значению и др.? В исследованиях это специально не оговаривалось или оговаривалось непоследовательно. Как это часто бывает, проблема кроется не столько в предмете исследования, сколько в установке по отношению к нему.

Отмеченная двусмысленность была подвергнута критике Ш.Балли, Э.Бенвенистом, В.Пизани, Р.Якобсоном и др. (см. Воронин, 1990) сразу же после утверждения тезиса условности языка. Обоснованность критики кроется в том, что не существует четкой границы между значением и понятием, понятием и образом, образом и представлением, представлением и чувством и т.д., и тем не менее отличия между этими категориями осознаются (по крайней мере, представляются) как неоспоримые.

Проанализируем самые тривиальные характеристики имени. Оставаясь словом, какое-либо конкретное слово (словоупотребление), даже имея на поверхностный взгляд ту же самую формальную представленность, является ли тем же самым словом? Сторонники и природности, и условности имени не оспаривают перманентную изменяемость и вариативность имени. Однако такое признание чаще всего затемняет проблему инвариантности имени либо выносит эту инвариантность имени во внесубъектную сюрреальность. Примечательно при этом, что гораздо легче априорно вынести инвариантность имени вовне от субъекта во вневременность и внепространственность, чем найти функциональную инвари-

антность имени в субъекте. В последнем случае, кроме одной универсальной категории «имя», приходится использовать гораздо больше категорий, как например, язык, речь, многосторонность знака, полифункциональность знака, полисемия, типология речи и мн.др., что требует не метафизического философствования, а напряженного актуального внимания к сиюминутной «бренности» опыта языковой деятельности.

Теории природности языка безусловно расширяют и обогащают поле внимания исследований, однако концентрирование внимания на субъективной инвариантности языка в большей мере приближает исследования к насущной реальности языковой деятельности, предвосхищает, формулирует и реализует прикладную проблематику. Теоретические разработки исторического научного опыта оказались особенно актуальны для современного взрыва объема информационного обмена. При этом многие базовые проблемы лингвистики либо остаются актуальными, либо принципиально переформулируются. Например, разведение плана выражения и плана содержания знака проясняет не больше, чем задает новых вопросов. Смыслоразличители на уровне плана содержания обнаружены позже, чем различители плана выражения, это позволяет семиотикам делать вывод, что «пока еще план содержания – это скорее область континуального, нежели дискретного» (Эко, 1998). Лингвисты констатируют, что легче отождествляются разные значения многозначного слова как одно слово, чем признаются одним словом абсолютные лексические синонимы. Причина этому – подход от формы как следствие инертности мышления и ограниченности памяти. Подход от содержания, хотя сложнее, гораздо перспективнее в разрешении исследовательских противоречий.

Образно говоря, слово – это резервуар, который может иметь разный объем, разную форму и даже не всегда одно и то же наполнение. Вместимость резервуара-слова может незначительно или существенно по-разному наполняться, иногда вплоть до полного изменения содержимого. Это характерно для слова в филогенетическом и онтогенетическом его развитии, характерно это для слова и в типологии речемышления.

В пространстве следующих многополярных противопоставлений — предметно-практическая деятельность, социальные отношения, наглядно-образные представления, отвлеченно-рациональные представления, морально-волевые установки и предпочтения, семиотические сигналы, семиотические системы и модели и мн.др., в центре которых находится субъект — строится вербальная деятельность субъекта, и не только сама вербальная деятельность, но и теория вербальной деятельности.

Не во всех методологических научных подходах субъект определяется в центре психомыслительной и вербальной деятельности. В ряде методологий субъект определяется на периферии пространства, а не в центре отмеченных противопоставлений. Это общепhilosophический вопрос «Кто говорит: субъект или язык?», и в ответ на него нередко утверждается, что не субъект говорит в языке, а именно в субъекте говорит язык – и далее в зависимости от методологического подхода предоставляется широкий спектр того, что говорит в субъекте посредством языка: либо бессознательное (причем, или индивидуальное, или коллективное), либо сознательное (тоже индивидуальное или социальное), либо ноуменологическое универсальное, либо сам язык о себе и т.д.

Проблема объекта языкознания остается традиционной и актуальной, несмотря на множество новых теорий, научных направлений и методологических подходов. Наиболее сложным является разделение инвариантных моделей, на основе которых осуществляется психомыслительная – семиотическая и несيميотиче-

ская – деятельность субъекта и многообразных вариативных реализаций этих моделей.

В настоящем анализе языковая деятельность (представленная в ее трихотомическом аспекте – язык, речевая деятельность, речь) понимается как функциональная часть человеческой психики, структурированная семиотическая функция отношения между психо-мыслительной деятельностью субъекта и предметно-коммуникативной деятельностью социального человека, то есть между сферой инвариантных знаний субъекта и многообразной вариативной информацией, получаемой субъектом в процессах предметного и социального взаимодействия.

Так как языковая деятельность признается отношением между инвариантными знаниями субъекта и его актуальной деятельностью, то для определения языка наиболее удобным представляется виртуальное семиотическое пространство инвариантных значений и моделей формообразования, а для определения речевых произведений – актуальное семиотическое психомыслительное пространство, структурированное означаемыми речевых единиц через речевые сигналы. В таком случае, речевая деятельность – это процесс создания указанного актуального вербализованного психомыслительного пространства, структурированного и связанного (а самое главное, ограничиваемого) означаемыми речевых единиц. Акцентируем аспект ограничиваемости по причине важности роли означаемых не только в процессе кодирования, но и адекватности его декодирования.

Что касается качества семиотического структурирования семантического пространства речевого произведения, то оно определяется типами речемышления и приемами изобразительности. В типологии речемышления признание бесспорной взаимоопределяемости составляющих не исключает необходимости разделения процессов чувственно-сенсорных и мыслительных, а также семиотических (а внутри речемышлительных процессов, кроме того, выделения типов речемышления). Такое понимание находит свое выражение в разграничении понятийного мышления и вербального мышления, а соответственно, в разделении инвариантной когнитивной картины мира и инвариантной языковой картины мира, что не всегда разделяется.

В обыденном типе речемышления слово максимально сливается с окружающей обстановкой, с предметностью, точнее сказать, слово не выделяется из них – такое мышление называется синкретическим. В научном типе речемышления целосность слова также не осознается достаточно, однако развивается его отвлеченное значение. И лишь в художественном типе речемышления слово максимально полновесно и реализуется его целостность.

Простор для выбора полюса исследовательского подхода в открытом многомерном смысловом пространстве субъекта довольно широкий. Однако вне зависимости от методологического подхода функционально-деятельностное протекание языковой деятельности характеризуется большей мерой единства интерпретации содержания этой деятельности. Обыденный тип речемышления (по Потебне, мифологический, проза) определяется таким оперативным семиотическим приемом как тождесловие (использование знака в объеме узуальных значений). Преодоление обыденного типа речемышления определяется таким оперативным приемом как иносказание (в разной мере изменение значения знака). Представляется возможным применять термин тождесловие не только как термин, обозначающий синкретическую нераздельность имени с понятием и референтом в обыденном типе речемышления, но и как термин, обозначающий в научном типе речемышления психомыслительную операцию рефлексирования над соответствием денотата-референта знака его понятию (даже, точнее, уточнением и доказательством этого соответствия), то есть операции генерализации, и в научном, и в художественном типе выделять два типа иносказания – метафорический и мето-

нимический. Причем, за приемом метафорического тождества признавать высшую степень отвлеченного рефлексирования, в то время как за приемом метонимического иносказания признавать более высокую степень эмоционально-чувственного и образно-эстетического рефлексирования.

Функционально значимой и методологически проблематичной является когнитивная функция слова и языка. Когнитивная функция слова проявляется в том, что слово обобщает и формализованно фиксирует часть понятийной информации субъекта. Когнитивная функция языка выражается в способности переструктурирования знаний. Знание естественного языка – структура, и грамматика языка (например, Грамматика-80 как структура структуры) – тоже структура, но они не тождественны и соотносены асимметрично как взаимоопределяющие и взаимодополняющие структуры. Когнитивная функция языка совсем не обязательно проявляется только в научном типе речемышления – это может быть создание любых языковых клишированных или речевых когнитивных структур как вербальных структур какого-либо алгоритма мышления, поведения.

Например, речевые образования, подобные такому высказыванию из обыденной речи о ком-то, как: «Он человек рассудительный, выдержанный, не поддается на провокацию», способны быть толчком к аналитизму, то есть к анализу другим субъектом собственных способностей и к изменению им своего поведения. Это происходит путем экстраполяции чьих-то предполагаемых способностей на свои собственные: «кто-то другой способен быть сдержанным, рассудительным, не бросаться сломя голову на первый-лучший раздражительный стимул, а я, по памяти своего опыта, на это был неспособен... но могу ли быть способен, подобно этому кому-то другому?.. » и т.д. Речевые образования, подобно вышеприведенному примеру содержащие определенные мыслительные алгоритмы, среди многого другого, руководят нашим аналитическим мышлением. Таким образом, когнитивная функция языка характерна всем типам речемышления, не только научному, но и обыденному, и художественному.

Зададимся вопросом: почему во многих научно-философских исследованиях и теориях (Ф.Соссюр, Л.Выготский, К.Леонард, М.Хайдеггер, Ю.Лотман и др.) много образных метафор, примеров из классических художественных текстов? Почему эти примеры приводятся в научных текстах как иллюстративный материал, несмотря на то, что эти примеры – очевидный плод фантазии? Безусловно, потому, что они – образцы решения-модели определенного типа ситуации-проблемы. Среди этих решений одно среди многих других важных – решение проблемы аккумуляции и конденсации-концентрации информации. В этом отношении художественный текст, как отмечают кибернетики, особенно высоко информативен. Однако информация художественного текста при ее богатстве является многослойной и, как результат иносказательности, преимущественно неоднозначной, что не является недостатком художественного текста, а, напротив, его преимуществом.

В качестве примера рассмотрим отрывок из художественного текста Б.Гребенщикова, состоящий из двух простых предложений, первое из которых является констатацией в виде изъявительного наклонения, а второе – призывом в виде императива: «Я пою – попади со мной в такт!». Непосредственное значение, контекст и подтекст позволяют по-разному интерпретировать смысл отрывка. «Я пою» – это можно понимать как «я пою в данный момент» и как «я вообще умею петь», и как «я живу, как пою» (причем, как аргумент спора или дискуссии) и др. Точно так же фразу «попади со мной в такт» можно понимать по-разному, среди прочего, как «живи так, как я», «покажи, можешь ли ты попасть в такт» и даже как «если не можешь, то у тебя нет аргументов для возражения» и др.

Очень часто смысл художественного текста представляет собой те случаи, когда автор и сам нерасчлененно смутно представляет соотношение аспектов смысла или понимает их, но не до конца осознанно. Однако эта нерасчлененность является мерой осознания не за семью замками, эта степень может быть повышена значительно (хоть и не всегда абсолютно) как самим говорящим, так и слушающим. При этом задействуется весь психофизиологический и социальный комплекс отношений, например, такие категории как вкус, способность суждения и др. в соотношении с конкретной ситуацией.

Как видно, минималистский подход исследования не сужает и не упрощает проблематику, не игнорирует и максималистские предпочтения, лишь по-другому их интерпретируя. Как мы отметили, максималистские и минималистские установки противопоставляют исследователей в разрешении проблемы «природности – условности имени». В отношении аспектов социального функционирования языка и имени практически не имеется разногласий. Именно максималистские установки сторонников «природности имени» позволяют делать неоговариваемый, но принципиальный перенос понятий предмета исследования из сферы способностей субъекта во вневременность и внепространственность сакрального мира. В результате термин «язык» в значении «реальная семиотическая способность субъекта в функции общения и познания, а также ее функционирование» начинает означать «ирреальная сакральная способность Бытия, сущностно определяющая язык и поведение человека». Такая способность Бытия, тем не менее, при этом оставляет в теориях природности имени человеку свободу субъективного выбора. Именно максимализм и простота данного переноса значения чаще всего подпадают под критику противников признания природности имени.

Отмеченные максималистские установки можно найти и в теории, например, Л.Выготского: «Смысл слова никогда не является полным. В конечном счете он упирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» (Выготский, 1982: 347). Однако Л.Выготский эту полноту смысла все же оставляет в сфере человеческого сознания. Для него полнота языка и целостность его функций остаются в сфере потенциальных, хотя и неизведанных способностей человека, что совершенно не сужает гуманистические ценности субъекта в социуме.

Ограничение максималистских установок теорий природности имени до способностей чувственного и рационального созерцания (как основ функционального ономаσιологического и семасиологического подходов исследования) придает научным исследованиям более приемлемо понятную и гуманную основу восприятия и миропонимания, выводя теоретическую и прикладную проблематику из сферы внеопытности в сферу опыта. Бесплезно спорить о том, какой аспект имени более важен – референтивный (природный) или системно-категориальный (условный): именно их соотношение и составляет сущность имени. Также и относительная произвольность имени не является абсолютной, будучи, хотя и не непосредственно прямо, и не однозначно, но тем не менее «природно» обусловленной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Витгенштейн Л. *Tractatus logico-philosophicus*. – К., 1994.
2. Воронин С.В. *Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения*. – Л., 1990.
3. Выготский Л. *Собр. соч. в 6-ти т.* – Т.2 - Мышление и речь. – М., 1982.
4. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. – М., 1998.
5. Лабашук М. *Слово в науке и искусстве*. – Тернопіль, 1999.
6. Платон Кратил // *Собр. соч. в 4-х т.* – Т.1. – М., 1990. – С. 613-681.

7. де Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. – М., 1990.
8. Хайдеггер М. Время и Бытие. – М., 1993.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С.-П., 1998.
10. Якушкнин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. – М., 1985.